

А. Э. Мурзин

**Российское культурное
пространство в региональном
измерении**

DirectMEDIA

Андрей Мурзин

**Российское культурное
пространство в
региональном измерении**

«Директ-Медиа»

УДК 008
ББК 71

Мурзин А. Э.

Российское культурное пространство в региональном измерении /
А. Э. Мурзин — «Директ-Медиа»,

В статьях, вошедших в сборник, внутрироссийское культурное пространство рассматривается как явление, обусловленное развитием исторически сложившихся региональных культур и регионального самосознания. Процесс трансформации образов российских регионов в постсоветский период анализируется в контексте поиска единства культурного пространства страны. Роль и значение региональной культуры представлены на примере промышленного Урала. Предложена авторская методика социокультурного исследования региона. Книга адресована студентам, аспирантам, преподавателям культурологии.

УДК 008
ББК 71

© Мурзин А. Э.
© Директ-Медиа

Содержание

РОССИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПОИСК НОВОЙ ИНТЕГРАТИВНОЙ МОДЕЛИ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Андрей Мурзин

Российское культурное пространство в региональном измерении

РОССИЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПОИСК НОВОЙ ИНТЕГРАТИВНОЙ МОДЕЛИ

Внутриполитическое, экономическое, духовное состояние современной России во многом связано с изменением принципиальных пространственных координат ее существования. Распад СССР с неизбежностью повлек за собой деформацию внутреннего пространства самой России как сложно иерархизированной структуры, обернувшись утратой самоидентификации целого и составляющих его частей.

«Регионализация» России 1990-х годов, последовавшая за этим борьба за возвращение значения и роли центральной власти заново поставили вопрос о том, что собой представляет внутривосточное пространство, какова роль и место каждого из регионов в отечественной истории, культуре, существующем производственно-экономическом комплексе. От ответа на эти вопросы сегодня во многом зависят перспективы развития принципов федерализма, сохранение единства и целостности страны, определение ориентиров региональной политики.

Тема внутреннего единства современной России обсуждается преимущественно в контексте политико-экономического состояния государства или его административно-территориального устройства. При этом недостаточно внимания уделяется тому обстоятельству, что существование больших самореферентных систем тесно связано с проблемой форм и способов их самопрезентации в массовом сознании. Как целостное образование социальная суперсистема становится представимой для себя самой, обретает конкретную форму своего выражения в образах, знаках, символах, производимых культурой. В свою очередь, феномены культуры как специфические объекты формируют собственную систему отношений, образующую особого рода реальность – культурное пространство.

Политико-правовое и экономическое пространства конфликтны по определению. Здесь происходит столкновение интересов, идет борьба за средства федерального бюджета, на передний план, как правило, выходят различия в правовом статусе субъектов (асимметричная федерация), в уровне жизни в регионах (регионы-доноры и реципиенты) и т.д. В рамках данных отношений постановка вопроса об укреплении внутреннего единства страны неизбежно оказывается обусловленной целым комплексом таких условий, создание которых отодвигает решение стоящей задачи на неопределенный срок. Наоборот, само существование пространства (космоса) национальной культуры несет в себе и воспроизводит на каждом историческом отрезке времени основания общего единства. Здесь речь должна идти скорее о необходимости осознания подобного обстоятельства и его культивирования применительно к современным реалиям.

Культурное пространство страны в целом, с точки зрения его топологии (то есть в его сопряженности с существующими географическими представлениями и образами), стремится предстать не в виде суммы разрозненных культурных феноменов, но как система взаимосвязанных, закономерным образом взаимообусловленных элементов. Культурное пространство являет себя в массовом сознании в виде некой ментальной карты, образа пространства. Оно включает в себя особо значимые для социума исторические места, скажем, Золотое кольцо

России, духовные центры, например, Оптина Пустынь, «производственные узлы», отдельные территории, исторически отличающиеся своеобразием, вроде «Русского Севера» или «казацкого Дона»), а также столицу с ее культурным и духовным значением.

Каждый из элементов, отобранных массовым сознанием и культурной традицией в качестве составных образа культурного пространства, приобретает характер знака, а сам образ воплощает представление о стране в целом. В наиболее выраженном виде культурное пространство стремится к тому, чтобы предстать в виде законченной знаково-символической системы. Можно сказать, представление о культурном пространстве страны отражается в массовом сознании в виде представления о прошлом страны, ее главных духовно-нравственных ценностях, источниках жизнестойкости и основах единства, организующих началах и основных «опорных точках». Сформировавшийся образ пространства призван обеспечивать самоидентификацию страны, каждой территории и отдельного индивида, формируя потребность, тяготение к единению, стремление к самореализации внутри этого пространства.

Имея в виду значение, роль и статус регионов в истории и современной России, представляется необходимым рассмотреть особенности региональной стратификации культурного пространства страны. Выделение регионов в качестве структурообразующих элементов внутрироссийского культурного пространства имеет особый смысл еще и потому, что в силу российской специфики многие из регионов могут рассматриваться как отчетливо очерченные (хотя и внутренне неоднородные), относительно самостоятельные культурные пространства. Например, Сибирь имеет свои духовные и историко-культурные центры (Тобольск, Иркутск), наукоград (Новосибирск), «студенческую столицу» (Томск), национально-культурные образования, крупные промышленные районы и города-миллионники со значительными административными функциями, среди которых выделяется Красноярск, борющийся за неформальное звание «столицы Сибири».

Подобное положение позволяет рассматривать культурное пространство страны как совокупность «региональных» пространств. Внутрироссийское культурное пространство может быть рассмотрено как феномен, образованный взаимодействием регионов в качестве культурных реальностей, а место каждого из «региональных» пространств может быть определено через его отношение к другим культурным пространствам. Взаимодействие «региональных» культурных пространств, их взаимные диспозиции, отношения со столицей, проявляясь в качестве пространственных оппозиций, могут быть рассмотрены как элементы, образующие структуру культурного пространства страны.

Большую часть XX века в качестве главного структурообразующего начала внутри культурного пространства России выступала государственная власть. Она конвертировала свою сверхзначимость в исключительный культурный статус столицы (сверхцентрализованность власти допускала существование в стране единственного культуротворческого центра). Столица одна представляла собой культурный универсум, она сама образовывала страну подобно тому, как памятник организует окружающее его пространство площади.

Отношение «столица – провинция» играло роль главной пространственной оппозиции, определяя форму организации и структуру культурного пространства страны. Соответственно с этим советское культурное пространство было строго иерархизировано, подчинено решению функциональных задач. Регионы должны были ощущать себя составными частями государственного целого и выражать себя исключительно через приобщение себя к этому целому. Столица выступала посредником в общении регионов между собой и с внешним миром.

В последний период своего существования Советский Союз мыслился в качестве единой производственной корпорации. Образ каждого из регионов, за небольшим исключением, имел «производственный» характер, отражавший не только узкоспециализированную направленность его развития, но и обозначавший место внутри советского пространства: «житница страны» (Ставрополь, Кубань), «автомобильный цех страны» (Горький, Тольятти, Самара,

Ульяновск), «всесоюзная здравница» (Крым, Сочи) «тихоокеанские ворота страны» (Приморье), были еще «хлопковые республики» и «республика-сад». Лишь несколько городов оставались на особом положении, наделенными собственными именами (Москва – «сердце нашей Родины», Ленинград – «колыбель Октябрьской революции», Ульяновск – «родина Ленина», Волгоград – «город воинской славы»).

Кажущееся единство советского культурного пространства основывалось на отказе регионам в культурной состоятельности, самодостаточности. Культурное пространство страны представляло собой континуум, крайними полюсами которого были столица как исключительное по своему значению явление культуры, а на другом – провинция, балансирующая на грани культуры и некультуры. Модель организации культурного пространства, стержнем которой было отношение «столица – провинция», выступала как самоочевидная и единственно возможная.

Навязанная регионам подчиненная роль внутри культурного пространства страны не соответствовала их подлинному значению, так же, как «производственные» образы не стали до конца тождественны их внутреннему самоощущению. Взгляды снаружи и изнутри могли сильно различаться. Многие территории сберегали в глубине своей исторической памяти другие, можно сказать, более личные, почти интимные имена, идущие от местного придания, когда-то прочно связавшего живущих здесь людей с этой землей.

После распада СССР и утраты прежней государственно-идеологической основы обнаружилось, что прежнее единство России было во многом формой преодоления реального многообразия образующих ее регионов и национальных территорий. Утрата прежнего представления о единстве страны, неопределенность образа целого, потеря регионами своего прежнего места внутри общероссийского пространства спровоцировали начавшийся кризис регионального самосознания. Поставленные перед необходимостью самоопределяться в условиях начавшихся реформ, в условиях ослабления центральной власти и усиления процессов дезинтеграции в стране, российские регионы в поиске новой идентичности, стратегии внутреннего развития пытались найти опору в собственном историческом прошлом, в местной истории.

Перспектива движения в будущее закономерно связывалась с восстановлением исторической связи с прошлым как с залогом обретения прежнего реального или мифического могущества и процветания. Этим был обусловлен взлет регионального мифотворчества. Оказалось, что для саратовцев их город всегда оставался столицей Поволжья, а для оренбуржцев Оренбург – «воротами в Азию», «Южной Пальмирой». «Металлургический» Череповец вспомнил, что некогда его за внимание к развитию образования называли «Северными Афинами», а Омск – «Северным Лейпцигом», в Тамбове же все – от конфет до бизнес-комплекса – стало «рахманиновским» и т. д.

На практике следствием этого процесса нередко становилось смешение вопросов обновления образа региона как поиск начала, выражающего его глубинную сущность, и создания туристического имиджа, бренда территории. Вообще стремление искусственно создать новый образ во многом было связано с инерцией, идущей от прошлого, когда все существование региона как культурного феномена должно было сводиться к некоему эмблематическому обозначению его как составной части всесоюзного пространства.

Определяющим (если говорить, прежде всего, о восточных регионах – Урале, Сибири, Дальнем Востоке) здесь было не их стремление противопоставить себя столице или обособиться от всех, а вырвавшаяся наружу потребность регионов в самоутверждении, в отстаивании своей духовной состоятельности и культурной самодостаточности. Потребность каждого из регионов в поиске себя, обновлении своего образа требовала переосмысления отношений с другими регионами и столицей, в конечном счете реформирования внутрироссийского пространства на новых основах.

Важно отметить то, что относится к специфике регионов как культурных пространств: относительность их автономности, генетическую связь с общероссийским пространством. В содержательном смысле региональные культурные пространства определяются характером региональной культуры (там, где они исторически оформились, как, например, на Урале). Но региональная культура имеет единое с общероссийским соционормативное ядро. Их своеобразие как региональных феноменов исторически формировалось по компенсаторному принципу, в ходе адаптации общенациональной культурной традиции к местным условиям. Это обеспечивало неразрывную связь региональной и общенациональной культуры.

Можно предположить, что региональное культурное пространство так же изначально обретает, осознает и созидает себя в качестве составляющей общего культурного пространства страны и в связи с ним. Поэтому, насколько бы независимо и самостоятельно ни ощущал себя тот или иной регион в экономическом, производственном отношении, как культурное пространство он продолжает осознавать себя частью общенационального культурного пространства.

Современные российские регионы пытаются найти выражение прежде всего гуманитарному, общекультурному потенциалу территории, продемонстрировать ее готовность к духовному лидерству. Экономический, промышленный потенциал, исторические заслуги выступают лишь в качестве основы того облика, который стремятся иметь регионы в общественном сознании. Характерно в данном отношении то, какую настойчивость (подкрепленную огромными инвестициями) проявляет, например, главный нефтегазодобывающий район страны – Западная Сибирь – в формировании отношения к Тюмени как заметному культурному центру на карте страны.

Сюда же можно отнести и острую конкуренцию за столичный статус. Так, если за Петербургом признано право быть «культурной столицей России», то за неофициальное звание «третьей столицы» соперничает между собой целый ряд городов (Нижний Новгород, Екатеринбург, Краснодар и др.). «Столичность» же в данном контексте олицетворяет для регионов универсализм, полноту существования, отличительным признаком «столичности» выступает способность территории к активным культурным инновациям, производству норм и ценностей, новым моделям поведения.

В этом же смысле следует рассматривать охватившее все регионы, невзирая на конкретные условия и возможности, желание приобрести туристическую привлекательность. Как правило, усилия городских и региональных властей не конвертируются немедленно в доходы и инвестиции, но для самого региона заявка в качестве туристического центра становится ориентиром на пути преодоления сознания культурной несостоятельности, непривлекательности в качестве места жизни и личностной самореализации.

Основой данного процесса является признание абсолютной ценности человеческого существования, его конкретных культурно-исторических форм вне зависимости от его географического местонахождения. Для российских регионов это означает стремление к осознанию собственной культурной состоятельности. По сути, началось конструирование регионального культурного пространства как особой реальности. Вероятно, мы находимся в начале пути осмысления региона как феномена культуры. Представляется необходимым попытаться рассмотреть развитие регионального культурного пространства как процесса, отражающего особенности жизни его регионального сообщества.

Сегодня в регионах продолжается процесс, начавшийся в 90-е годы, связанный с их потребностью в самоутверждении, в отстаивании своей духовной состоятельности и культурной самодостаточности, требующих переосмысления отношений с другими регионами и столицей, в конечном счете, переформирования внутрироссийского пространства на новых основаниях. Особенно это касается Урало-Сибирского региона, имеющего исторически сформировавшееся, выраженное региональное самосознание. В ходе этого процесса регионы высту-

пают как конкурирующие субъекты (чье соперничество приобретает порой достаточно острый характер), в их состязании определяются взаимные диспозиции и формируется новая система отношений внутри культурного пространства страны.

Одновременно продолжается процесс регионообразования. Урал, Сибирь, во многом сконструированные как огромные макрорегионы в советский период, начинают ощущать себя в качестве таковых по-иному, ввиду того что составляющие их территории также, в свою очередь, переживают рост регионального самосознания, все больше ощущая себя субрегионами, претендуя на самостоятельную роль, равноправные отношения как внутри макрорегиона, так и вне его, в отношениях со столицей, другими российскими регионами, зарубежными странами. Например, в рамках уральского макрорегиона Челябинская область все больше выступает от лица Южного Урала, Пермская область, превращенная в Пермский край, самостоятельно утверждается среди регионов Приволжского регионального округа и т.д. Это ведет к тому, что и Екатеринбург начинает ощущать себя столицей не всего региона вообще, а именно Среднего Урала (что толкает его к поиску нового имиджа вроде «сердца Евразии», «моста между Европой и Азией» и т.п.).

Схожие процессы, связанные со стремлением субрегионов более четко обозначить себя внутри общего пространства макрорегиона, характерны и для Сибири, где они протекают в еще более острой форме, обусловленной историческим соперничеством различных городов и территорий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.